

как «религиозно-эротоманию», Короленко так заканчивает письмо: «...по поводу серьезных толков о новом „откровении“ так и хочется сказать словами Щедрина: „И кого вы этими благоглупостями благоудивить хотите?“» [9, с. 131] ⁴.

Короленко полагал, что в том факте, что «вопросы пола» «носятся в воздухе, насыщают атмосферу и переполняют литературу», «нет не только ничего дурного, но наоборот, — это нужно, когда выдвигается жизнью». «Это — не всегда „лишь нездоровое любопытство“», — говорится в письме к Л. П. Декатовой от 26 мая 1916 г. Вопрос лишь в том, «как этот интерес удовлетворяется». Дело «в чувстве меры, в равновесии между психологией и физиологией любви. Нужна именно психология, а физиология лишь в необходимой, минимальной степени. К сожалению, в нашей литературе, как, например, в пресловутом „Санине“ (...) физиология выпячивается до порнографии. Этого нужно избегать» [4, с. 607, 608]. Исходя из этих убеждений, Короленко резко отверг роман М. П. Арцыбашева «Санин», определив его сущность словами великого сатирика: «роман обнаженных торсов» [4, с. 550].

С величайшим сочувствием Короленко вписывает в дневник (26 июня 1887 г.) по первоначальному журнальному тексту слова Щедрина о языке современной печати: «Характеризуя наши тяжелые дни, Щедрин говорит между прочим: „В прессе, рядом с „раббим“ языком, народился язык холопский, претендовавший на смелость, но в сущности представлявший смесь наглости, лести и лжи“». «Замечательно метко, — комментирует Короленко. — Трудно лучше охарактеризовать „откровенное“ направление, которое в сущности составляет теперь господствующий тон газетной прессы (...) Ни одного эпитета лишнего и ни один не пропущен» [1, т. 1, с. 86].

Гражданская война, принявшая на Украине особенно тяжелые формы — формы «трагической свалки», по выражению писателя, не раз давала ему повод вспомнить сатиру Щедрина. Так, когда в Полтаве, где в эти годы жил Короленко, начались грабежи, погромы и, как выразил писатель, «поднял свой лик» террор, «лик отвратительный: какой-то получеловек, что-то вроде centaвра, олицетворение анархического насилия, соединенного с кабацким дебоширством», в памяти Короленко возникают сцены одного из самых горьких произведений Щедрина — «Истории города Глухова» (см. запись в дневнике от 16—18 декабря 1917 г.) [18, с. 200].

Когда же Полтаву охватило повальное пьянство, Короленко записал, используя многозначительное и угрожающее слово из той же «Истории...»: «Наконец „ОНО“ пришло. Полтава три дня пьянствует и громит винные склады» [18, с. 202]. Дальнейшие события снова напоминают писателю щедринские образы. Так, в дневнике 20 мая 1918 г. Короленко писал: «Хорошие люди из кадет ждут чего-то от гетманщины (...) Но силою вещей за переворотом ринулись щедринские ташкентцы, недоросли из дворян и какие-то Ноги (говорят, был чиновник у Кривошеина) и поворачивают все по-своему...» [19, с. 194].

17 ноября 1917 г. А. В. Луначарский напечатал в «Известиях» статью «Средности», в которой приветствовал писателя И. Ясинского, явившегося к наркому просвещения в Зимний дворец, чтобы засвидетельствовать свое принятие Советской власти. В ответ на эту статью Короленко опубликовал в «Русских ведомостях» (№ 265) свою статью «Торжество победителей». Напомнив о позорной литературной репутации Ясинского, Короленко писал: «Итак, гражданин Луначарский, к вашим кровавым именинам в Зимний дворец влетела не первая ласточка независимой русской литературы (...), но в окровавленный пролом Зимнего дворца вползла к вам только старая рептилия, привыкшая извиваться перед всякой восходящей силой...» А в дневнике (20 ноября 1917 г.) Короленко заметил:

⁴ Приведенные слова Щедрина встречаются в двух его произведениях — «Невинные рассказы» и «За рубежом».

Анна Николаевна Шмидт (1851—1905) — нижегородская журналистка, автор религиозно-мистических сочинений. Речь идет об ее посмертно изданной книге «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт» (М., 1916), которой предпослан биографический очерк об авторе (с. 1—XV).

